

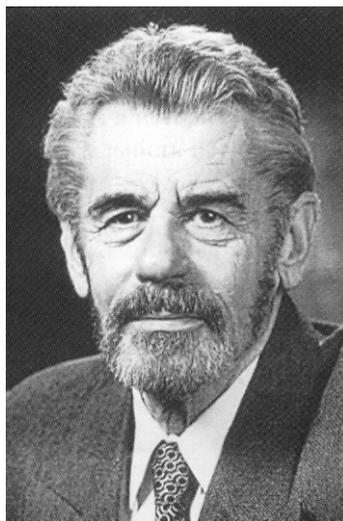
*Анатолий Лысков
(Калининград)*

ДОМ ПРОФЕССОРА Н. А. АРСЕНЬЕВА¹

Мать Екатерина Васильевна

Вспоминая годы своего детства и юности, Н.С. Арсеньев пишет, что, пожалуй, духовную атмосферу в их семье формировала мать Екатерина Васильевна Арсеньева (урожд. Шеншина).

Екатерина Васильевна Арсеньева была дочерью камер-юнкера и помещика Василия Владимировича Шеншина и Анны Ивановны (урожденной Шаблыкиной). Через год после рождения дочери отец умер. Мать осталась двадцатилетней вдовой с тремя детьми и, по настоянию своей свекрови, вскоре вышла второй раз замуж за князя Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского. Екатерина и ее братья остались воспитываться у своей бабушки, Анны Николаевны Шеншиной, урожденной Ермоловой (она была двоюродной сестрой героя 1812 года и покорителя Кавказа, знаменитого А.П. Ермолова). Потеряв через некоторое время после своего переезда из деревни в Петербург свою бабушку, она в возрасте 17 лет переехала жить к своей матери — княгине Анне Ивановне Лобановой-Ростовской... «В Лобановском доме пришлось сразу выступить в роли старшей сестры: она была советником и другом, а иногда как бы духовным руководителем своих сестер и братьев, особенно более близких к ней по возрасту (в особенности Ольги Николаевны Лобановой-Ростовской, позднее леди Эджертон)» [1, с. 78].

Екатерина Васильевна вышла замуж за Сергея Васильевича Арсеньева, начинающего молодого дипломата, служившего тогда на Балканах.

¹ Продолжение. Начало см.: Слово. ру: балтийский акцент. 2010. № 1—2.

И еще одно интересное замечание о матери:

...Она и детям своим запрещала распущенность в привычках, в укладе жизни. В ней было огромное чувство нравственной дисциплины, которая проявлялась и во внешних мелочах... и детей своих с детства приучала к дисциплине тела и духа, к скромности, к уважению к старшим, к уважению личности другого. Всякие остатки «крепостнических» замашек — пренебрежение, грубость с прислугой — она беспощадно преследовала в них. «Кто ты такой сам? Ты только клоп и больше ничего», — вот что она им говорила, когда проявлялись у них иногда замашки «барства», пренебрежения к людям [1, с. 78].

С раннего детства она обучила сына английскому, французскому и немецкому языкам, привила вкус к очень широкому кругу чтения: Библия и «Добротолюбие», подлинники сочинений Гёте, Гейне, Расина и Мольера, святоотеческие тексты Исаака Сирина, Макария Египетского, Св. Франциска Ассизского и др.

Екатерина Васильевна провела с мужем 35 лет за границей, сопровождая его из страны в страну. Дом родителей в разных странах, где им пришлось жить и работать, был как бы «живым уголком России».

Из воспоминаний Н. С. Арсеньева: «Очень интересовалась она политикой — русской внешней политикой, славянским вопросом, а позднее, в эпоху большевизма, она всеми силами души желала освобождения России и низвержения большевиков, все ждала и спрашивала: "Скоро ли? Скоро ли?"» [Там же, с. 76].

«Ее кончина — 80 лет от роду — 13 (26) августа 1938 года, была поистине высокохристианской. *Уверенностью* в Высшей Жизни, уверенностью, что не может и не должно быть окончательной разлуки, радостным чувством неугасимой любви и незабываемым, просветляющим душу примером для близких и дальних веет от ее смерти и от ее жизни» [Там же, с. 80].

«Одним из величайших даров, полученных мною в жизни, — пишет Н. С. Арсеньев, — было то, что я в течение долгого времени был свидетелем живых примеров христианской праведности... это было горение перед Богом... покоряющее любовью, безмерным, самозабвенным *служением любви...*» [Там же, с. 130. Курсив наш. — А. Л.].

Генеалог Василий Сергеевич Арсеньев

Старший брат Н. С. Арсеньева Василий Сергеевич (1883–1947) — уже тогда известный генеалог, собиратель исторических документов (составил генеалогический труд «Арсеньевы. Род дворян Арсеньевых,

1389–1901 годы», Тула, 1903). Образование получил в Царскосельском лицее и Московском университете. Служил в Главном архиве Министерства иностранных дел. В свое время он был председателем Тульской губернской ученой архивной комиссии (с 1913 года), а в 1915–1917 годах – псковским вице-губернатором. Василий Сергеевич являлся также членом Русского генеалогического общества, Историкородословного общества в Москве, Русского географического общества. Автор ряда исторических публикаций и работ по генеалогии.

Заметим кстати, что книга В. С. Арсеньева «Воспоминания и дневник» была издана в 2005 году Санкт-Петербургским издательством им. Н. И. Новикова. В аннотации к изданию говорится, что среди многочисленных дневников и воспоминаний, затрагивающих различные стороны российской жизни XVIII–XX столетий, очень мало мемуаров, в которых рассказывалось о масонстве России. «Тем ценнее впервые публикуемые в этой книге воспоминания В. С. Арсеньева, ярко раскрывающие место масонства в культуре и быте дворянской семьи, в частности тайную жизнь масонства в условиях его запрета» [7].

В 1936 году Василий Сергеевич Арсеньев издал труд «Русские погребения в Восточной Пруссии». Он опубликован во втором выпуске историко-генеалогического журнала «Новик». Работа, начатая В. С. Арсеньевым, продолжается современными исследователями.

Вскоре В. С. Арсеньев наладил контакты с известным Эриком Николаевичем Амбургером, который являлся лучшим знатоком истории и генеалогии немцев в России. Он родился в Санкт-Петербурге в 1907 году, в семье врача Николая-Александра Амбургера и его супруги Герды, урожденной Шотлендер.

Амбургеры поселились в России еще в 1770 году. Однородный состав предков – а немцы Амбургеры были купцами в Петербурге и Архангельске – нарушали две бабушки. Бабушка по матери – Иоганна Габриэла фон Герздорф – принадлежала к привилегированному лифляндскому рыцарству. А бабушкой по линии отца была дочь кёнигсбергского еврея Клара Маллисон.

После смерти отца в 1920 году Амбургеры выехали в Германию. К 1933 году Эрик Амбургер стал доктором философии. Его диссертация «Россия и Швеция, 1762–1772: Екатерина Вторая, Шведская конституция и "Покой Севера"» вышла вскоре после прихода к власти гитлеровцев (изд. в 1934 году) и была высоко оценена историками. Но самому автору как на четверть еврею путь в научные учреждения и на государственную службу был заказан.

Молодому историку очень помог брат его бабушки хлопкоторговец Эрнст Маллисон (1855–1943). На средства, которые тот присылал из Египта, Э. Амбургер объездил пол-Европы: Австрию, Францию,

Италию, Финляндию, Швецию, Данию, Эстонию и Латвию. Везде работал в архивах, занимаясь сбором биографических и генеалогических сведений о российских немцах — купцах, дворянах, ученых, инженерах и кораблестроителях. До конца своей жизни (Э. Амбургер умер в 2001 году) поддерживал широкую корреспондентскую связь с российскими учеными-историками и исследователями, которые по праву называют его «дедушкой генеалогии».

Сотрудничество с Э. Амбургером Василий Сергеевич Арсеньев продолжил в Берлине, куда переехал в конце 1930-х годов.

Письменные памятники переживаний

«Есть — и немало их, — пишет Н. С. Арсеньев в одной из своих книг, — красноречивых письменных памятников переживаний того времени, особенно 20-х и 30-х годов...» [Там же, с. 336]. В сноске он называет эти книги: Russinow A. Die grosse Täuschung. Verlag Hellmuht Wollermann. Berlin; Steglitz, 1936—1937; Russinow A. Auf der Suche nach Russland (Sovjetrussland und das wahre Russland). Hesse und Becker Verlag. Leipzig, 1939; Anzerowa A. Aus dem Lande der Stummen. Bergstadtverlag Breslau, 1936 («Из страны безмолвия». — А.Л.); Anzerowa A. Am weissen Meere. Verlag Ferd. Schoenlgh; Paderborn, 1938. («В белом море». — А.Л.).

События, о которых рассказывается в этих книгах, происходили в 1920—1930-х годах в Архангельске, удивительном северном крае, который в то время был одним из главных ссыльных центров страны. Именно там авторы встретили множество своих будущих героев, сосланных священников, раскулаченных, дворянских детей. С некоторыми из них, представителями лучших дворянских родов России, профессорами старой школы, писателями, они были знакомы лично и даже дружили, а оказавшись за границей, непрерывно возвращались мысленно к людям, встречами с которыми одарила его судьба. «К сожалению, — продолжает Н. С. Арсеньев, — эти книги полностью распроданы (имеются лишь в некоторых больших центральных библиотеках) и никогда не были изданы на русском языке. Они рисуют ужасы советских тюрем, тюремных этапов и концентрационных лагерей, но и жизнь русской верующей семьи на фоне этих гонений и проникающие ее духовные силы, а также и другие оазисы несокрушимой силы духа в Советском Союзе. Имена обоих авторов — Андрей Русинов и Александра Анзерова — литературные псевдонимы. Фамилия Анзерова заимствована у одного из скитов Соловецкого монастыря. Настоящие имена авторов: Евгений Гагарин и Анна Арсеньева» [1, с. 336—337].

Евгений Андреевич Гагарин

О Евгении Андреевиче Гагарине (1905–1948) следует сказать отдельно. Он стал одним из немногих, кому удалось выехать из страны во времена самого разгара сталинского террора (и случилось это благодаря женитьбе на Вере Сергеевне Арсеньевой, отбывавшей ссылку в Архангельске). В 1933 году настойчивость Н. С. Арсеньева и хлопоты английских родственников, занимавших ответственные посты в английском парламенте, увенчались успехом.

Брошюра о положении в России «Путь на Голгофу» («Россия на Голгофе») вышла на семи языках. Евгений Гагарин (подобно Владимиру Набокову) писал на двух языках.

Первая его книга *“Die grosse Täuschung”* («Великий обман»), вышедшая в 1936 году в Германии на немецком языке, была о разрушении старой, патриархальной России, о переломе огромной страны, о переселении многих тысяч раскулаченных крестьян, высланных из южных районов Советского Союза в северные леса. «Великий обман» и «В поисках России» — его две наиболее известные за рубежом книги — до сих пор не переведены с немецкого, и потому русского варианта этих ранних работ не имеется. Славу среди уцелевших после Второй мировой войны российских эмигрантов Гагарину принес роман «Возвращение корнета», увидевший свет в Нью-Йорке. Книга была посвящена трагической судьбе молодого человека из дворянской семьи и его скитаниям во время Великой Отечественной войны.

Зарубежные ценители русской литературы отмечают, что, как это ни странно, Евгений Гагарин — мастер крепкой, классической русской прозы, которому удалось тонко поведать о трагедии лучших людей любимой им страны, писатель, умевший в лучших тургеневских традициях передать то неуловимое состояние души, когда человек сливается с окружающей его природой — лесом или полем, художник слова, которым восхищались многие известные всему миру люди, — совершенно неизвестен в новой России.

На родину его имя стало возвращаться лишь в конце прошлого века. У нас в России впервые в 1991 году роман «Возвращение корнета» и повесть «Поездка на святки» опубликовал журнал «Слово». Журнал «Север» через год печатает рассказ «Белые ночи». В 1997 году журнал «Новая Россия» публикует роман «Звезда в ночи». В 2002 году в журнале «Новая юность» были напечатаны повести «Советский принц», «Корова».

Судьба писателя трагична. Обстоятельства его гибели до конца не ясны. Пока только известно, что Евгений Андреевич Гагарин 19 октября 1948 года был сбит грузовым автомобилем и утром 20 октября скончался, не приходя в сознание, в госпитале Мюнхена в Германии.

«Путь на Голгофу»

В России оставались близкие Н. С. Арсеньева, его дяди — священнослужители Иван (Иоанн) Васильевич (1862—1936) и Николай Васильевич (1867—1940) Арсеньевы.

В наступившие тяжелые времена для церкви долг пастырей не позволял им оставить в беде свою паству. Оба остались на родине, совершив свой собственный «путь на Голгофу».

Пятнадцатого января 1918 года пятым настоятелем храма Христа Спасителя был назначен Иоанн Васильевич Арсеньев.

В 1884 году он закончил Московскую духовную семинарию, а в 1889-м — Московскую духовную академию и назначен в Вифанскую семинарию на должность преподавателя гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей и там же временно преподавал историю русского раскола. В 1892—1894 годах он был учителем Московского учительского института, а с 1894-го — преподавателем Московского екатерининского института. В 1898 году защитил магистерскую диссертацию, в 1914-м — докторскую.

В 1922 году на церковь обрушились тяжелые испытания. Под предлогом помощи голодающим проводилось насильственное изъятие церковного имущества, в том числе священных сосудов, икон и других святынь. В храме Христа Спасителя был организован сбор средств для помощи голодающим. В то же время предпринимались усилия для того, чтобы сохранить его святыни.

Иоанн Васильевич Арсеньев 3 апреля 1922 года был арестован по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Он остался в живых благодаря активной деятельности организации «Помощь политическим заключенным» (разновидности названия: «Помполит», «Политпомощь»)¹, возглавляемой Екатериной Павловной Пешковой (первой женой М. Горького).

Внучка Пешковой — Марфа Максимовна — вспоминает: «Когда Ягода спросил бабушку: «Когда же вы закроете вашу лавочку?», она ответила: «Через день после того, как вы закроете свою». Черный юмор истории заключался в том, что ГПУ неожиданно было ликвидировано раньше, чем «Помполит». Однако и после закрытия «Полит-

¹ Организация «правозаступников» — так называли себя первые российские «правозащитники».

помощи» Пешковой удавалось невероятное: требовать у Берии смягчения участи некоторых своих подопечных [4].

В январе 1924 года И. В. Арсеньев был выслан в Тверь и лишен избирательных прав. Скончался 8 сентября 1936 года и был похоронен на Даниловском кладбище.

Двадцать седьмого ноября 1922 года в Москве открылся громкий процесс против духовенства и мирян, которых обвиняли в том, что они будто бы «пытались удержать в своих руках церковные богатства и на почве голода свалить советскую власть». На судилище было привлечено 105 священнослужителей и мирян. Среди обвиняемых были протоиерей Сергей Успенский, настоятель храма Христа Спасителя протоиерей Николай Арсеньев, ключарь храма протоиерей Александр Хотовицкий, священник храма Илия Громогласов, смотритель храма Лев Анохин, настоятель церкви Иоанна Воина протоиерей Симеон Голубев.

Административно-политические акции против церкви с еще большим ожесточением продолжались и в последующие годы. Каждый год закрывалось по несколько тысяч, а в одном только 1937 году — 8 тысяч церквей. В 1937-м аресты охватили подавляющую часть духовенства. Арестованным предъявлялись самые фантастические обвинения: в заговорах, шпионаже, саботаже, терроре. Значительная часть обвинительного заключения касалась деятельности клириков и прихожан храма Христа Спасителя, где говорилось о том, что главными организаторами и руководителями этой преступной деятельности явились в этом районе председатель совета общин священник Хотовицкий, настоятель храма священник Арсеньев.

Зловеще знаменитый впоследствии прокурор А. Я. Вышинский просил суд приговорить к смертной казни 13 обвиняемых и среди них протоиереев Николая Арсеньева, Александра Хотовицкого, Сергея Успенского, священника Илию Громогласова, игуменью Новодевичьего монастыря Веру (Побединскую), Л. Е. Анохина. Других Вышинский просил осудить на разные сроки тюремного заключения.

После обвинения его в шпионской деятельности о. Николай написал: «Получение мной из-за границы, из Германии, от своего племянника, живущего в Кёнигсберге, профессора Кёнигсбергского университета Николая Сергеевича Арсеньева почтовых посылок обусловливается существующими международными договорами и действующим советским законодательством. На этом законном основании каждый гражданин СССР имеет право получать из-за границы посылки. Невероятно, чтобы такому гражданину, получающему заграничные посылки по установленным правительством правилам, могло быть предъявлено обвинение в каком-либо шпионстве» [2].

Протоиерей Николай Арсеньев обратился в Народный суд Серпуховского района с заявлением: «Пред лицом народного суда и всех людей, во Христа крестившихся и от веры в Него отрекшихся, объявляю и исповедую, что я верую, что Христос есть истинный Бог наш, нас ради человеков и нашего спасения от грехов и вечной смерти во-человечившийся, пострадавший и распятый на Кресте, умерший Своею человеческою плотию, воскресший из мертвых, заявляю суду, что я верую во Христа, уповаю на Него, люблю Его, служу Ему и готов ради Него быть гонимым и униженным и осужденным на заключение в тюрьме и умереть за Имя Господа Иисуса» [2].

Иван Шмелев

На протяжении многих лет Николай Сергеевич Арсеньев прививал любовь к русской литературе поколениям иностранцев — студентов Кёнигсбергского университета, читая им специальный курс, который явился основой для его книги *“Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen”* (1929). Небезынтересен и тот факт, что под руководством Н. С. Арсеньева в 1937 году была написана и защищена первая в Кёнигсбергском университете докторская диссертация, посвященная творчеству известного русского писателя Ивана Шмелева. Автором диссертации является М. Ашенбреннер (M. Aschenbrenner), он же — автор книги *“Iwan Schmelew”* [6].

Особо теплые, дружеские отношения связывали Н. С. Арсеньева с И. С. Шмелевым и И. А. Ильиным. Да и политические позиции ставили их в один ряд на правом фланге русской эмиграции.

Наиболее глубокое и тонкое прочтение И. С. Шмелева дал ценитель его таланта И. А. Ильин: «Шмелев прежде всего русский поэт по строению своего художественного акта, своего содержания, своего творчества. В то же время он — певец России, изобразитель русского исторического, сложившегося душевного и духовного уклада, и то, что он живописует, есть русский человек и русский народ — в его подъеме, в его силе и слабости, в его умилении и в его окаянстве. Это русский художник пишет о русском естестве»; в его образах «раскрывается та художественно-предметная глубина, которая открывала Шмелеву доступ почти во все национальные литературы...» (Цит. по: [3, с. 717]). Характеристика Ильина относится прежде всего к роману «Лето Господне».

Все творчество Ивана Сергеевича Шмелева пронизано чувством утраты родины и светом воспоминаний. Фиксируя в настоящем России одичание человека, торжество варварства и низости, он видел залог в ее прошлом, в православии.

Жизнь готовила И. С. Шмелеву тяжелое испытание. После недолгой болезни 22 июля 1936 года умирает жена писателя — Ольга Александровна, как никто понимавшая его. Она скончалась внезапно, от сердечного приступа. Перед этим Шмелевы намеревались посетить Псково-Печерский монастырь, куда эмигранты в то время ездили не только в паломничество, но и для того, чтобы ощутить русский дух. Монастырь находился на территории Эстонии, граничащей с бывшей Родиной. В том же 1936 году, чтобы хоть как-то отвлечь писателя от мрачных мыслей, друзья (в том числе, предположительно, и Арсеньев с Ильиным) организовали ему поездку в Латвию и Эстонию, во время которой он побывал и в Псково-Печерском монастыре, постоял у советской границы. Протянув руку через проволоку ограждений, он сорвал несколько цветов. Здесь нашел он родную и древнюю Русь: те же деревеньки, те же голоса, тот же благовест... И потому эта поездка запомнилась писателю особенно.

Иван Сергеевич Шмелев скончался от сердечного приступа 24 июня 1950 года.

“Das heilige Moskau”

Обращаясь к кёнигсбергскому периоду жизни и творчества Н. С. Арсеньева, следует особо подчеркнуть его деятельность как историка литературы и русской культуры XVIII—XIX и начала XX века. В этом плане, несомненно, заслуживает особого внимания книга “Das heilige Moskau”.

“Das heilige Moskau” («Святая Москва») выходит в свет в самый канун войны, в 1940 году (книга, первоначально изданная на немецком, а затем переведенная на французский язык; перевода на русский нет).

Работа Н. С. Арсеньева посвящена истории духовной культуры России. Это своеобразный авторский дар читателю. Книга содержит живое описание Москвы как пульсирующего центра российской национальной жизни и сознания; интенсивной религиозной жизни древней столицы, не только ее духовной культуры, ее традиционных художественных форм, проявляющихся в архитектуре, живописи и литургической эстетике, а также в лицах российских философов, богословов и других творцов культуры, оставивших неизгладимый след в истории города; наконец, просто тех, кто с их бесспорной моральной красотой являлся во многих случаях скромным украшением московского общества. Отдельные главы книги посвящены Ивану Киреевскому, Алексею Хомякову, а также духовной жизни второй половины XIX — начала XX века (Ф. Достоевский, Вл. Соловьев, братья Трубецкие, московские религиозно-философские общества и кружки).

Работа обращена к немецкому читателю (и к немецким студентам, которые изучали русскую культуру в Кёнигсбергском университете). Немец, чувствующий себя глубоко укорененным в своей любимой Германии, пишет Н. С. Арсеньев, должен и в состоянии хорошо понять подъем русского народного самосознания. Чтобы знать народ, нужно знать его сердце. На протяжении многих столетий Москва всегда и была духовным (а раньше, до Петра I, и политическим) центром России, ее сердцем. Чтобы знать Россию, самые сокровенные волокна ее внутренней жизни, нужно знать духовную и религиозную жизнь Москвы в ее благороднейших и чистых проявлениях, особенно ближайшего нам времени – XIX века, столетия, которое являет высший расцвет русской духовной культуры.

«Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!» И не напоминая ли, не предупреждением ли надменным иноземным завоевателям с наполеоновскими планами звучат приводимые Н. С. Арсеньевым знаменитые пушкинские строки?!

...напрасно ждал Наполеон,
последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
с ключами старого Кремля:
нет, не пошла Москва моя
к нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
она готовила пожар
нетерпеливому герою... [5, с. 307].

Список литературы

1. Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт н/М, 1974.
2. ГА РФ. Ф. 10035. Д. П-53030.
3. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь. М., 1997.
4. Политический журнал. 2005. №29 (80).
5. Пушкин А. С. Соч.: в 3 т. М., 1986. Т. 2.
6. Aschenbrenner M. Iwan Schmelew // Schriften der Albertus Universitat. Königsberg; Berlin, 1937.
7. Арсеньев Н. С. Воспоминания и дневник. СПб., 2005.

ПОБЕРЕЖЬЕ

Выступая против религиозного догматизма и фанатизма, огонь которого, по его словам, поглощает «любое еретическое отступничество от истинной веры», Херлинг-Грузиньский все же считал себя христианским по духу писателем: христианство для него прежде всего сопряжено с подвижнической стойкостью первых христиан, их непоколебимой готовностью принять «муку за веру».

А. Мальцев

Молва гласит, что незадолго перед смертью Авраам назвал Знаком Веры незажигавший обруч на шее Исаака. Оба эти знака постепенно во-брали в себя мир. И стал таким, каков он есть.

Г. Херлинг-Грузиньский